

Ю. В. Буйнов

Бондарихинская и чернолесская культуры: проблема взаимосвязей

(по материалам городища у с. Веселое на Харьковщине)

В научной литературе на протяжении многих лет существует гипотеза о переселении из Днепровского лесостепного Правобережья в бассейн Ворсклы части племен позднечернолесской культуры [1, с. 15–21, 46–48; 2, с. 80–82; 3, с. 165; 4, с. 23–24, 28; 5, с. 23]. По мнению Г. Т. Ковпаненко и В. А. Ильинской, в результате этой миграции произошло вытеснение местного населения, оставившего памятники бондарихинской культуры, и запустение посульско-днепровского региона Левобережной Лесостепи [1, с. 48; 2, с. 82]. Во втором томе академического издания «Археология Украинской ССР» (1986 г.) на карте «Памятники предскифского времени», составленной Н. П. Шевченко, ареал чернолесской культуры расширен до Днепро-Донецкого междуречья [6, рис. 1]. Основанием для таких выводов послужили находки керамики чернолесского типа на многих поселениях бондарихинской культуры.

Несколько иначе видение решения этого вопроса предложили А. С. Беляев [7, с. 47; 8, с. 68–70] и В. А. Ромашко [9, с. 45–62]. Оба исследователя считают, что первоначально выходцы из Правобережья заселили берега р. Орель еще на раннем этапе развития чернолесской культуры, а затем освоили бассейн Ворсклы и другие районы Лесостепного Левобережья, куда принесли с собой инновационные элементы, в том числе и столовую посуду «белогрудовско-чернолесского типа».

Действительно, в бассейне Орели имеются однослойные поселения с закрытыми комплексами раннечернолесской культуры в сочетании с памятниками, содержащими керамику синкретического чернолесско-бондарихинского облика. Однако имеющиеся материалы не убеждают нас в реальности проникновения чернолесского этнокультурного компонента по такой схеме: Днепровское Правобережье–Орель–Ворскла и другие районы Днепровского Левобережья. Дело в том, что столовая посуда чернолесского типа обнаружена в бассейне Северского Донца на более ранних памятниках (совместно с керамикой малобудковского типа), чем на Орели [10, с. 18; 11, с. 74, рис. 8, 3].

Признавая факт наличия инфильтрата раннечернолесского населения в Северное Предстепье Левобережной Украины, Б. А. Шрамко [12, с. 153–155] и автор статьи [10; 13, с. 15, 16] категорически выступают против гипотезы об экспансии чернолесских племен на позднем этапе их развития (в дожаботинское время) к востоку от Днепра. Наши замечания и возражения сводятся к следующему: на всей территории распространения бондарихинской культуры нет ни одного чернолесского городища; на поселениях у сел Хухра, Ницаха и многих других памятниках в бассейнах Ворсклы и Северского Донца отсутствуют стратиграфически разделенные отложения с керамикой чернолесского и бондарихинского типов; датировка и культурная атрибуция отдельных погребений

ний, кладов и случайных находок из бассейна Ворсклы в качестве позднечернолесских являются неубедительными. Исходя из этого, был сделан вывод о синхронном существовании отмеченных этнокультурных образований и наличии между ними тесных взаимоотношений.

К такому же выводу пришли В. Н. Горбов и А. Н. Усачук, анализируя материалы раскопок позднебондарихинского поселения Орехово-Донецкое-4 в Луганской области [14, с. 42–43]. Согласно их определению, столовая и тарная керамика этого памятника с чернолесскими чертами имеет местное производство, а в ее декоре отчетливо прослеживается переработка западных орнаментальных композиций в бондарихинской среде.

Наконец, остроу дискуссии по данной проблеме добавила новая статья В. А. Ромашко о происхождении столовой посуды чернолесского типа на памятниках Левобережной Украины [15, с. 79–95]. В ней он полностью отказался от своих выводов о наличии в бассейне Орели синкретических чернолесско-бондарихинских памятников и сделал попытку доказать происхождение «белогрудовско-чернолесского» орнамента на бондарихинской керамике от срубной культуры, что, по его же мнению, является дополнительным фактом для отрицания миграции части населения из Лесостепного Правобережья в Днепро-Донецкое междуречье.

Приведенный выше краткий историографический обзор указывает на существование нескольких противоположных взглядов на характер и последствия чернолесско-бондарихинских межэтнических взаимоотношений. Учитывая актуальность данной темы, автор работы вновь затронул ее в своей недавно вышедшей статье, посвященной итогам раскопок поселения бондарихинской культуры у с. Червоный Шлях на Северском Донце [16, с. 4–12]. Целью этой публикации является введение в научный оборот новых материалов, позволяющих конкретизировать ранее высказанные нами положения об этнокультурных процессах на территории Днепровского Лесостепного Левобережья в предскифском периоде.

В качестве примера выбрано городище, раскопанное в 1976–1977 гг. Б. А. Шрамко при участии автора статьи у с. Веселое Великобурлукского района Харьковской области [17, с. 303–304].

Данный памятник занимает мыс, размерами 160×85 м, находящийся на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Великий Бурлук (рис. 1, 1). Пойма здесь болотистая. Из-под правого берега местами пробиваются родники. Основное русло реки проходит сейчас в 500 м от древнего поселения, но старица подходит к нему на 40 м. Высота мыса достигает 8 м. С напольной стороны он огражден дугообразным валом и рвом протяженностью 152 м. С южной стороны вал выходит немного за пределы основной части мыса и на расстоянии 45 м идет вдоль края берега. С этой стороны фортификационные сооружения не доходят до самой оконечности мыса и образуют коридорообразный вход на поселение.

В процессе вскрытия культурного слоя на площади 410 м² было установлено, что этот памятник был многослойным. В пределах раскопа зафиксированы отложения срубной культурно-исторической общности (нижний горизонт и две хозяйственные ямы), бондарихинской культуры (средний горизонт, жилище, зольник, отдельное кухонное помещение и 9 хозяйственных ям) и раннесредневековой салтовской культуры (верхний горизонт и две хозяйственные ямы).

Авторы раскопок не сомневаются в датировке возведения оборонительных сооружений временем бондарихинской культуры. Об этом свидетельствуют следующие факты, полученные после поперечного разреза вала и рва: 1 — границы культурного слоя срубного поселка превышают внутри городищенскую площадку; 2 — ров перерезает, а вал перекрывает слой срубной культуры; 3 — отложения бондарихинской культуры доходят только до основания вала; 4 — вал с внутренней стороны частично перекрывался слоем с находками салтовской культуры; 5 — в вал была впущена одна хозяйственная яма с салтовскими вещами.

К моменту раскопок вал возвышался на 0,2 м. Частично он размыт и расплылся, но и в древности, судя по разрезу, он не был большим. Основную защитную функцию выполнял ров и частокол на гребне вала. Древняя глубина рва 1,6–1,8 м при ширине в верхней части 2,8 м. Дно плоское шириной 0,40 м (рис. 1, 2). Внутренний склон рва более крутой, чем внешний.

Интересные наблюдения дал и раскоп, заложенный на гребне вала. Его площадь составила 16 м² (8×2 м). Сверху, под слоем задернованного культурного слоя, шел слой глины, смешанный с землей, мощностью 0,1 м. Далее, до погребенной почвы, залегал черноземный культурный слой толщиной 0,25 м с немногочисленными материалами срубной культуры. Последние попали в насыпь вала при копании рва. При зачистке на уровне погребенной почвы были обнаружены расположенные в один ряд семь столбовых ямок диаметром от 9 до 18 см при глубине около 1 м с остатками древесной трухи (рис. 1, 3).

В верхней части вала встречались куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев и столбиков. Создается впечатление, что это были остатки стены, построенной на гребне вала в виде плетня, обмазанного глиной.

Судя по раскопу и нескольким шурфам, вся внутригородищенская площадка была заселена только во время существования поселка бондарихинской культуры. В пределах исследованного участка памятника попали зольник, сооруженный над жилищем с углубленным полом, и отдельное кухонное помещение (рис. 1, 4–5).

Зольник имел размеры 12,5×8,5 м. Его верхняя часть находилась на глубине 0,35 м, а нижняя доходила почти до самого дна жилища на глубине 1,1 м. Контуры зольника больше контуров жилища, нижняя часть которого имела размеры 10,7×4,8 м по линии С–Ю. Верхний край расплывчатый и прослеживался плохо, но расположение краев зольника в культурном слое вне жилища на глубине 0,5 м показывает, что жилище начинается примерно с этого уровня. Следовательно, глубина нижней части колебалась в пределах 0,60–0,65 м. Примерно вдоль средней линии расположены пять столбовых ямок. Они имели диаметр около 0,40 м при глубине от уровня пола 0,3 м. На дне жилища и в его заполнении найдены две кварцитовые зернотерки, терочник типа куранта, бронзовое височное кольцо, обломки керамики и кости домашних животных.

Кухонная постройка располагалась в 2 м к западу от жилища. В плане она имела округлую форму диаметром 2,6×2,4 м. Глубина основной части 1,2 м от уровня современной поверхности. В ее юго-восточной части замечена одна круглая яма диаметром 0,6 м, идущая на глубину до 0,15 м. В юго-западной части в пол врезалась еще предпечная яма диаметром до 0,9 м, где был устроен каменный очаг. Верхняя часть развала камней этого очага показалась еще на глубине 1,10 м. Камни выложены полукольцом с внутренним диаметром около 0,25 м. Для сооружения очага использовали ровные куски песчаника, скрепленные небольшим количеством глины. Внутри и перед ним встречались древесные угольки, зола, обломки пережженных костей животных и фрагменты керамики. На дне постройки найдены два кремневых отщепа, применявшихся, видимо, в качестве кресал при добытии огня, кварцитовый пестик и культовая глиняная лепешка.

При шурфовке южного основания мыса отмечены кальцинированные кости от трупожжения и бондарихинская керамика, но выраженное погребение найти не удалось.

Основная масса находок, связанных с бондарихинской культурой, была сосредоточена в котловане жилища и в зольнике. Их изучение указывает на то, что данный памятник является одним из самых поздних во всем бондарихинском ареале.

Замечено, что зольные отложения отделены от дна жилища прослойкой гумусированного чернозема толщиной около 10 см. Самый нижний уровень постройки фиксировался находками зернотерок, развалом горшка и положением крупных обломков сосудов. Отметим также, что жилище бондарихинской культуры перекрывало две мусорные ямы с керамикой срубной культурно-исторической общности, которые врезались в материковую глину.

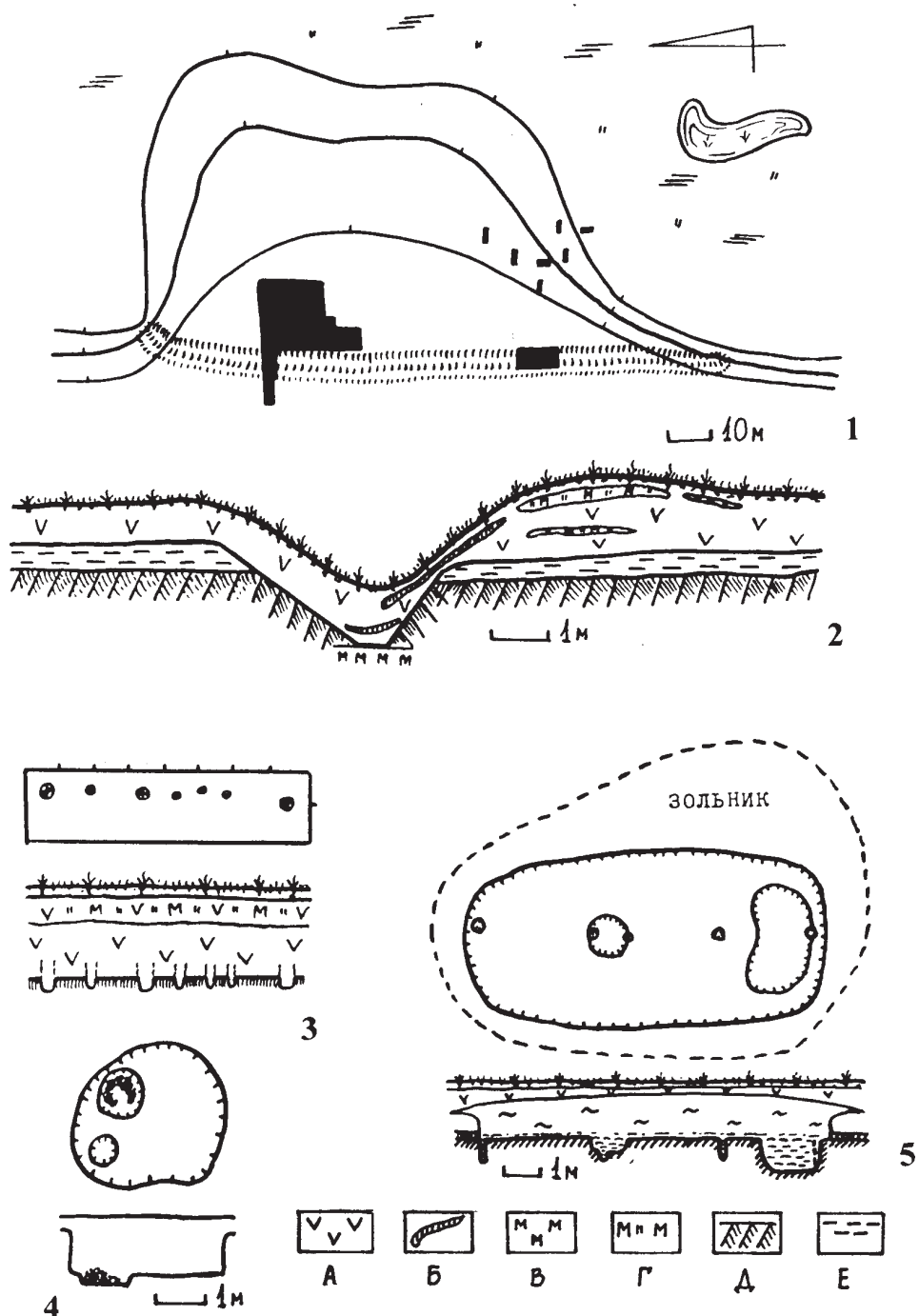

Рис. 1. Городище у с. Веселое:

1 — план городища; 2 — разрез вала; 3 — план и профиль продольного раскопа на гребне вала; 4 — надворное кухонное помещение; 5 — жилище и зольник

Условные обозначения: А — чернозем; Б — глина; В — мел; Г — мел с черноземом; Д — суглинок; Е — погребенная почва

Всего на полу этого комплекса обнаружены обломки не менее, чем от 18 горшков, одной миски и жаровни. Особого типологического разнообразия среди них не наблюдается. Наиболее обычными являются сосуды с небольшим дном, корпусом, расширяющимся на середине высоты, прямыми стенками со слабо обозначенной шейкой и еле заметным отгибом венчика (рис. 2, 1, 5). У одного полностью восстановленного сосуда основные параметры были следующие: высота — 22,5 см; диаметр венчика — 18 см; диаметр шейки — 17,2 см; наибольший диаметр корпуса — 20,7 см; диаметр дна — 9,5 см. Толщина стенок у этого, как и у большинства других горшков, обнаруженных на дне жилища, не превышает 7 мм. В глине примесь песка и шамота. Поверхность сосудов хорошо заглажена. Орнаментирована у таких горшков только верхняя часть корпуса, где располагались два горизонтальных ряда прямоугольных тычков (отпечатков от нажатия на внешнюю сторону стенки концом косо поставленной палочки или щепочки) или один ряд таких вдавлений в основании шейки в сочетании с «бантиковыми» зашипами, сделанными двумя пальцами, на плечиках сосудов. Один фрагмент венчика украшен сквозными проколами (рис. 2, 6).

Несколько горшков имеют широко открытое устье, слабо отогнутый короткий венчик и округлый корпус. Украшались в основании шейки круглыми ямками (рис. 2, 4). Только один сосуд мог иметь биоконическую форму (рис. 2, 9). В верхней части его плечиков расположен орнамент в виде треугольника, составленного из тычков, обращенных вершиной вниз.

Два небольших горшочка имеют тюльпановидную форму. Украшены они тычками в горизонтальном и треугольном вариантах размещения (рис. 2, 2–3).

На дне жилища также были найдены фрагмент стенки от глиняной цедилки (рис. 2, 8), обломки миски полусферической формы (рис. 2, 7), жаровни с почти вертикальным бортиком со следами вторичного обжига (рис. 2, 10) и бронзовая височная подвеска (рис. 2, 11).

Зольник возник через небольшой промежуток времени после прекращения функционирования жилой постройки. Часть горшков, найденных в нем, полностью повторяют образцы из жилища (рис. 3, 1, 5).

Однако появляются сосуды с более профилированным горлом, более высоким и отогнутым наружу венчиком (рис. 3, 2, 7). Толщина их стенок колеблется в пределах от 6 до 11 мм. В глине больше примеси шамота. К новым типам следует отнести сосуды баночной формы (рис. 3, 4, 8). Как и в жилище, в зольнике преобладают обломки керамики, украшенной двумя горизонтальными рядами тычков, «бантиков», иногда в сочетании с круглыми ямками (рис. 3, 2, 4, 5) или сквозными проколами под краем венчика (рис. 3, 7, 10). Интересен обломок горшка, украшенного широким массивным валиком, ограниченным сверху рядом круглых ямок, а снизу — рядом тычков (рис. 3, 9). Точно такие фрагменты, но в сочетании налепного валика и сквозных проколов, происходят из надворного кухонного помещения (рис. 3, 6).

Только один фрагмент стенки принадлежит лощеному сосуду — кубку или корчаге (рис. 3, 3). Украшен он прочерченным геометрическим орнаментом в виде разделенного на четыре части ромба.

Для датировки керамического комплекса данного памятника принципиальное значение имеет наличие сквозных проколов под краем венчика нескольких горшков (не менее 15). Нет сомнений в том, что их появление было обусловлено влиянием позднечернолесской культуры, о чем уже писали В. А. Ильинская [18, с. 33] и Г. Т. Ковпаненко [1, с. 15–21]. Из позднечернолесских городищ происходят полусферические миски, аналогичные найденной на дне жилища описываемого памятника [19, с. 65, рис. 39; с. 70, рис. 44, 4]. Обломки почти идентичных жаровен известны на позднебондарихинском поселении Орехово-Донецкое-4 [14, рис. 13, 19]. Сходные ромбовидные фигуры зафиксированы нами на корчагах при раскопках поселения Родной Край-1, где они также найдены в контексте с горшками, украшенными сквозными проколами в сочетании с тычками и «бантиками».

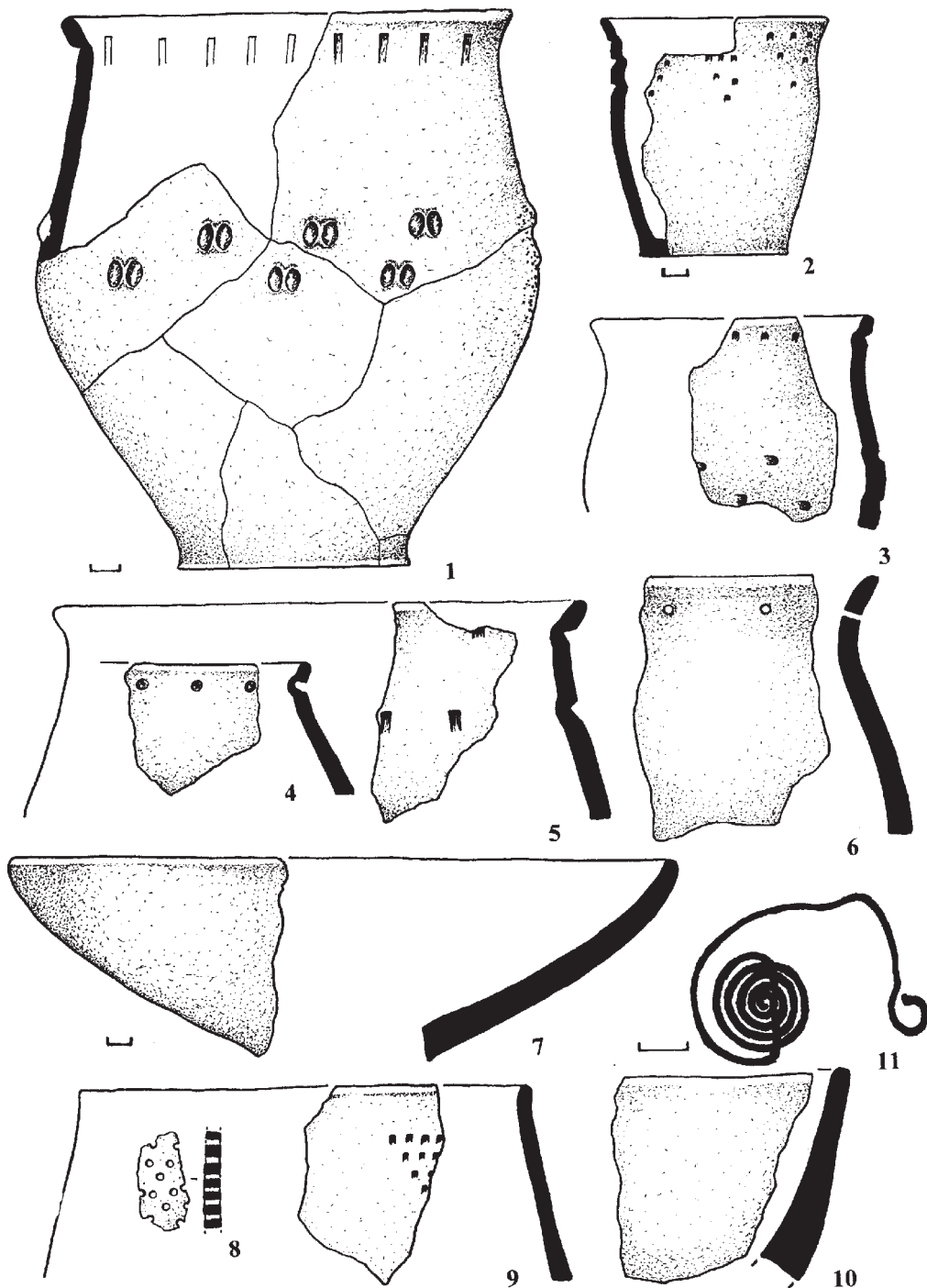

Рис. 2. Находки со дна жилища:
1-10 — керамика; 2 — бронзовая височная подвеска

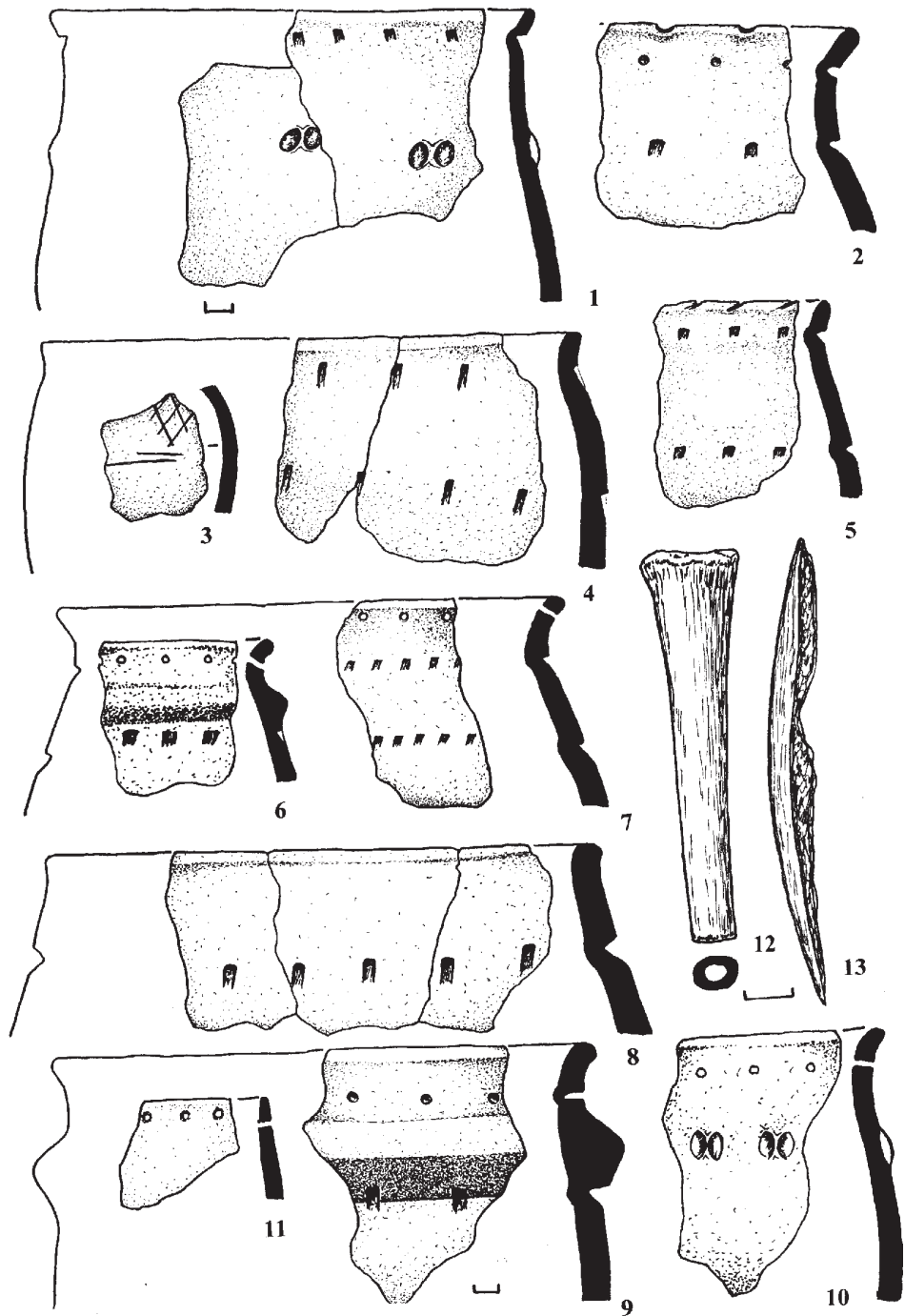

Рис. 3. Находки из зольника
1-11 — керамика; 12 — костяная рукоять; 13 — костяной кочедык

Особое значение для датировки керамического комплекса из жилища имеет находка бронзовой височной подвески. Несмотря на частичную деформацию, в ней легко угадываются височные кольца с одним спиралевидным щитком с загнутым в петлю наружным концом. Аналогичные украшения происходят из кладов второй ступени чернолесской культуры Субботовского городища [19, с. 159, рис. 106, 1, 4].

Исходя из приведенных выше данных, можно сделать несколько выводов по существу обозначенной научной проблемы. Во-первых, городище у с. Веселое относится к финальному периоду развития бондарихинской культуры, в керамике и металлических изделиях которого отчетливо проявляются влияния, идущие из позднечернолесской культуры. Долгое время считалось, что орнамент в виде сквозных проколов под краем венчика кухонных горшков использовался «бондарихинцами» только в бассейне Ворсклы, где они в течение какого-то времени обитали одновременно с переселившейся частью носителей чернолесской культуры [18, с. 33]. Однако уже одно только месторасположение городища у с. Веселое (левобережье Северского Донца) с его синкретическим бондарихинско-чернолесским керамическим комплексом ставит под сомнение такой вывод. Более того, подобная керамика обнаружена на поселениях Зубовка, Луговое, Петровское в бассейне Ворсклы, Родной Край-1, Вариково, Базалеевка, Писаревка-1, Хотомля-2, Травянок-1, Червоный Шлях-1 и Орехово-Донецкое-4 в бассейне Северского Донца. В то же время ни одного собственно позднечернолесского поселения в бассейнах указанных рек в реальности не существует. Не является таковым и городище у с. Веселое. Его топография и конструкция фортификационных сооружений резко отличается от чернолесских традиций. Появление укреплений на анализируемом памятнике не является результатом внутреннего социально-экономического развития племен бондарихинской культуры. Скорее всего, они были возведены в условиях угрозы вражеского вторжения со стороны ранних кочевников позднейшего предскифского периода.

Во-вторых, ни о каком вытеснении бондарихинского населения из Левобережной Лесостепи носителями чернолесской культуры не может быть и речи. Напротив, имеющиеся данные указывают на синхронность этих этнокультурных образований и наличие между ними тесных взаимосвязей. По классификации этнологов, результаты такого взаимодействия вполне можно отнести к варианту усложнения — качественным изменениям культуры одного этноса под влиянием другой, более зрелой культуры. В данном случае более сильное влияние оказали позднечернолесские племена. На их этнической территории керамика бондарихинского облика встречена лишь на нескольких городищах, да и то в единичных экземплярах [19, с. 63, рис. 37, 2; 20, табл. II, 6, 8].

Завершая характеристику материалов, добытых на городище у с. Веселое, необходимо остановиться еще на одном вопросе — об исторических судьбах племен бондарихинской культуры. По имеющимся данным, в Левобережной Лесостепной Украине конец ее существования приходится на VIII в. до н. э., когда в этом регионе появляются памятники черноторовской культуры и новочеркасского типа [21, с. 69, 70, 74, 77, 78, 86; 22, с. 98–107; 23, с. 31–33; 24, с. 30–37], Западное укрепление Бельского городища и ему подобные раннежаботинские поселения [25, с. 15–18]. При этом первоначально (около середины VIII в. до н. э.) бондарихинское население было вынуждено покинуть бассейны Ворсклы, Пела и Сулы и переселиться в иные места, в том числе и на Северский Донец. Материалы городища у с. Веселое как раз и отражают этот процесс. Под натиском все тех же ранних кочевников, но уже во второй половине VIII в. до н. э., бондарихинские племена переселились в более северные районы, где на Сейме и Десне они приняли участие в сложении юхновской культуры [18, с. 43–45; 26, с. 94–101]. Обнаруженная на исследованном памятнике керамика действительно чрезвычайно близка по форме и орнаментации к юхновской керамике из городищ Марица [27, с. 45, рис. 21] и Кузина Гора [28, с. 115, рис. 17]. Особо обратим внимание на наличие среди горшков этих памятников почти идентичных образцов, украшенных сквозными проколами под краем венчика в сочетании с тычками или «бантиковыми» защипами. Этот пример в очередной раз убеждает нас в хронологической близости и генетическом родстве позднебондарихинской и юхновской культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковпаненко Г. Т. Племена скифського часу на Ворсклі. — К., 1967.
2. Ильинская В. А. Может ли Бельское городище быть городом Гелоном//Скифы и сарматы. — К., 1977.
3. Граков Б. Н. Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). — М., 1977.
4. Мелюкова А. И. Культуры предскифского периода в лесостепной зоне//Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1989.
5. Давня історія України. — К., 1998. — Т. 2.
6. Археология Украинской ССР. — К., 1986. — Т. 2.
7. Беляев О. С. Розкопки поселення доби бронзи поблизу с. Йосипівна//Археологія. — 1977. — № 22.
8. Беляев О. С. Нові дані про бондарихінську культуру//Археологія. — 1984. — № 46.
9. Ромашко В. А. Поздний бронзовый век в пограничье лесостепи и степи Левобережной Украины (XII–X вв. до н. э.). — Днепропетровск, 1995.
10. Буйнов Ю. В. Бондарихинская культура. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — К., 1981.
11. Гершкович Я. П. Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье — Северо-Восточное Приазовье — Подонцовье)//Археологический альманах. — Донецк, 1998. — № 7.
12. Шрамко Б. А. Походження племен раннього залізного віку на території Лисостепоного Лівобережжя України//Питання з історії народів СРСР. — Х., 1972. — Вип. 14.
13. Буйнов Ю. В. Памятники предскифского периода на территории Днепропетровского Лесостепного Левобережья. Тезисы докладов и сообщений первой Сумской областной научной историко-краеведческой конференции. — Сумы, 1990.
14. Грбов В. Н., Усачук А. Н. Бондарихинское поселение предскифского времени и некоторые аспекты адаптации домостроительства к природным условиям//Донецкий археологический сборник. — Донецк, 2001. — Вып. 9.
15. Ромашко В. А. «Чернолесская» столовая посуда культур позднего бронзового века Левобережной Украины//Проблеми археології Подніпров'я. — Дніпропетровськ, 1998.
16. Буйнов Ю. В. Поселення бондарихінської культури біля с. Червоний Шлях на Харківщині//ВХУ. Історія. — 2003. — № 594, вип. 35.
17. Буйнов Ю. В., Дьяченко А. Г., Шрамко Б. А. Работы на новостройках Харьковской области//АО 1977 г. — М., 1978.
18. Ильинская В. А. Бондарихинская культура бронзового века//СА. — 1961. — № 1.
19. Тереножкин А. И. Предскифский период на днепровском Правобережье. — К., 1961.
20. Тереножкин О. И. Пам'ятки скифів-орачів в південному Поліссі //Археологія. — 1965. — Т. XIX.
21. Тереножкин А. И. Киммерийцы. — К., 1976.
22. Берестнев С. И. О погребениях предскифского периода в левобережной лесостепи Украины//Проблеми археології Поднепровья. — Днепропетровск, 1985.
23. Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В. Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант). — К., 2000.
24. Клочко В. Лубенський скарб//Пам'ятки України: історія та культура. — К., 2003. — Ч. 4.

25. Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — К., 1987.
26. Ильинская В. А. Некоторые вопросы генезиса юхновской культуры//СА. — 1969. — № 2.
27. Пузикова А. И. Марицкое городище в Посеймье. — М., 1981.
28. Алихова А. Е. Древние городища Курского Посеймья//МИА. — 1962. — № 113.

Summary

J. Buinov. *Bondariha and Chernoleskaya Cultures: a Problem of Interrelation (on the Materials of Bilfort Near the Village Veseloye in Kharkov Region)*

A materials of hilfort near the village Veseloye in Kharkov region allow to date this monument IX–VIII centuries B.C. In all details they coincide with settlement near the village Huhri on the Vorskla. This fact denies a hypothesis of some scholars about resettlement of a part of tribes Chernoleskaya cultura to the left bank of Dnieper and replacement by them of carriers of Bondariha cultura.

